

© 2009 г.

Константин Микульский

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
директор Международного научно-исследовательского института социального
развития

(e-mail: socpol@mail.ru)

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ИМПЕРАТИВ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Необходимость модернизации экономики России – безусловное требование времени. Однако еще предстоит осознать, что модернизация экономики предполагает оздоровление многих других сторон общественной жизни. Остается открытым вопрос, какие социальные силы способны инициировать это оздоровление.

Ключевые слова: российская постсоциалистическая общественная система, модернизация экономики, социальная модернизация, бюрократическо-олигархический строй, системные преобразования.

Проблематика модернизации российской экономики, перевод ее на инновационный путь развития в последнее время выдвигаются на первый план. Однако перспективы модернизации остаются туманными, не определены достаточно конкретно контуры экономического будущего страны и тем более пути продвижения к нему. Углубление научного анализа экономических процессов и большая объективность выводов из такого анализа позволили бы достичь большей ясности относительно методов решения многих российских проблем, например, пределов рационального повышения роли государства в экономике, необходимости лучшего использования рыночных механизмов и т.д.

Но главное, очевидно, заключается в другом. Проблемы подъема экономики не разрешимы без всестороннего изменения существующих ныне в России общественных отношений, ставших препятствием для формирования позитивных процессов общественного развития. Коротко говоря, речь идет об оздоровлении всей общественной системы. Обществу нужно в полной мере отдавать себе отчет в том, что после активного выступления реформаторски ориентированного меньшинства в конце 80-х – начале 90-х годов ново-старая элита взяла курс на извращение процессов реформирования, что выразилось в постепенной реставрации многих элементов советского политического режима, деформации складывавшейся рыночной экономики, игнорировании необходимости социальных амортизаторов при переходе к рынку. Закономерной чертой экономического развития стала максимизация экономически необоснованных и

социально неоправданных доходов истеблишмента, господствующих социальных групп, элиты в целом. Источником таких доходов стали не рост эффективности использования ресурсов в экономике, не народно-хозяйственные накопления, а административно-силовое перераспределение общественного продукта.

Уже в 90-е годы становилось ясно, что цели строительства современной цивилизованной экономической системы все более утрачивают значение для политической практики. Это стало еще более наглядным в 2000-е годы, когда получил наиболее полное выражение курс на реализацию асоциальной модели бюрократическо-олигархического капитализма и авторитарного политического режима. Несмотря на наблюдаемую ныне критику отдельных проявлений этой модели, которой они подвергаются со стороны властных структур, данная модель в целом не получила принципиальной оценки как противоречащая задаче подъема экономики и продвижения к социальному благополучию. Поддерживается иллюзия возможности прогресса общества на основе устранения «имеющихся отдельных недостатков» при сохранении асоциальной сущности сложившейся общественной системы. А ведь лишь признав системное происхождение пороков этой системы, можно понять пути их преодоления.

Требуется более глубокий перелом в развитии общества, чем тот, который хотя бы частично возможен при нынешнем подходе к понятию «модернизации экономики». Пока же все намечаемые шаги в направлении модернизации говорят скорее об ориентации на возвращение к докризисному состоянию экономики, но не о ее инновационном развитии. Тем самым не формируются условия для реализации распространяющегося в мире подхода: кризис может и должен подтолкнуть не только к решению задач отладки мировых и национальных финансовых механизмов и устранению деформаций рыночных механизмов вообще, повышению экономической и моральной ответственности бизнеса за результаты хозяйствования, не только к техническому переоснащению производства, но и к осознанию перспективных проблем повышения на качественно более высокий уровень науки, к стимулированию роста качества трудового потенциала общества, повышению его трудовой и предпринимательской активности и – не в последнюю очередь – предотвращению нарастания социальных противоречий и усилению социальной солидарности.

Можно предполагать, что подобные намерения в мировом сообществе будут реализованы далеко не в полной мере или даже останутся в значительной степени не реализованными, но определенный эффект они, несомненно, дадут. Столь же ясно и другое. Западный социальный механизм функционирования общества, в том числе механизм современного капиталистического хозяйствования, при всех их пороках, еще более на-

глядно выявившихся в ходе кризиса, тем не менее вновь оказывается способен более адекватно реагировать на негативные процессы и более эффективно служить решению общественных проблем, чем российская постсоциалистическая общественная система. Остается лишь пожалеть, что за минувшие два десятилетия не произошло сколько-нибудь реальных сдвигов в направлении приобщения России к процессам инновационного обновления западной экономики и социализации современного капитализма. Речь идет, в частности, о поддержании в обществе политической конкуренции конструктивно настроенных общественных сил, о периодическом изменении на ее основе расклада политических сил во власти под влиянием сдвигов в объективных и субъективных потребностях общества, о стимулировании роста человеческого потенциала, расширении в той или иной мере возможностей удовлетворения потребностей массовых социальных групп, снижении остроты или сдерживании роста социальных противоречий прежде всего путем перераспределения доходов в пользу социально необходимых затрат.

Можно сделать вполне обоснованный вывод, что утвердившаяся в России в настоящее время общественная модель не только существенно затрудняет модернизацию экономики, но и по большому счету отодвигает ее реализацию на неопределенное время. Среди возникших препятствий можно назвать следующие. Произошло слияние власти и собственности, сформировалась немногочисленная группа бюрократов-олигархов, ставших крупнейшими по мировым масштабам собственниками активов и выгодоприобретателями от потоков государственных финансовых ресурсов. Эта группа составляет ядро государственной бюрократии в ее высших эшелонах. В целом в экономике возник симбиоз частной и государственной собственности, заключающийся, с одной стороны, в паразитировании крупнейших явных и замаскированных частных собственников на государственных ресурсах, а, с другой стороны, в подчинении частного сектора имущественным и политическим интересам государственной бюрократии. Частная собственность в России свободна от тех социальных нормативов, которыми она обременена в западных странах, что обуславливает значительную степень невосприимчивости элиты к социальным потребностям общества. Статусная рента превратилась в главный вид доходов многих слоев элиты. Рынок коррупционных услуг стал имманентным постсоветскому капитализму опосредующим звеном между производством и распределением общественного продукта, орудием перенацеливания процессов экономической жизни с задач развития производства и получения экономически детерминированного дохода на задачи формирования состояний элиты, не увязанного с возможностями экономики. Более того, рынок коррупционных услуг распространился на сферы

общественной жизни, находящиеся вне цивилизованной рыночной экономики, например, на отправление правосудия.

Эти и многие другие пороки российской общественной системы делают сомнительной возможность эффективных усилий по модернизации экономики. Многое наблюдается уже сегодня. В России не прививается стремление к сокращению издержек, усилившееся в мире в процессе преодоления кризиса. Мировая экономика стремится подготовиться на выходе из кризиса к реализации инновационных решений; в России же общепризнан дефицит инновационной мотивации и инновационных идей вообще, что проявляется даже в настоящее время в случаях расширения возможностей кредитования производства. Примечательно, что организуемый государством процесс дальнейшего усиления монополизации экономики не сопровождается лучшим использованием ресурсов, а государство, активизируя свое вмешательство в экономику, не проявляет способности, а по сути и желания принуждать крупнейших собственников к повышению эффективности использования даже тех ресурсов, которые оно им предоставляет.

Все это не означает полного отсутствия признаков отдельных позитивных сдвигов. Даже в этой ситуации в России существуют предприятия, продвигающиеся по пути рационализации производства. Примечательно, что несмотря на крайне тяжелое положение среднего и малого бизнеса и в целом падение его активности именно в этой среде есть примеры успешного развития. Столь же примечательно, что, по мнению ряда экспертов, множатся попытки ухода среднего и малого бизнеса из сферы бюрократического давления, создания неофициальных экономических связей, зачастую противоправных, но тем не менее создающих некоторые условия для развития предпринимательства. Разумеется, было бы неправильно, если бы государство не реагировало на эти процессы, но в основе его реакции должно лежать стремление к оздоровлению предпринимательского климата в стране.

К числу основных направлений преобразований российской общественной системы, необходимых для экономического подъема, следует отнести принципиальное изменение методов и пропорций распределения; оптимизацию структуры собственности путем снижения уровня монополизации экономики и стимулирования среднего и малого бизнеса; демократизацию политической жизни и преобразование на этой основе авторитарно-бюрократического государства, оторванного от общества или даже противостоящего ему, в современное цивилизованное государство, обслуживающее общество; переформатирование элитных слоев общества на основе увязки удовлетворения их интересов со стандартами демократического общества и потребностями общественного прогресса.

Важные предпосылки модернизации российской экономики могут сформироваться лишь в ходе демократических преобразований современного политического строя России. Опыт, особенно последнего десятилетия, показал, что утвердившийся в нашей стране специфический авторитаризм не благоприятствует оздоровлению общественной системы и модернизации экономики, а, напротив, тормозит их, в частности потому, что он становится самоцелью, имеет слабую обратную связь с обществом, но слишком тесно связан с узкокорыстными интересами господствующей элиты и является сам сугубо «элитарным» в преимущественно негативном смысле этого понятия.

В последнее время политическое руководство страны подает обществу противоречивые сигналы. Это касается и роли государства в экономике, и взаимоотношений бюрократии и бизнеса, и организации политической жизни, и т.д. Речь, видимо, идет о возникновении ситуации политического выбора пути дальнейшего развития или, что более вероятно, о выборе форм реагирования на усиливающиеся трудности и противоречия. Этот выбор пока не может привести к действиям, направленным на замену асоциальной общественной модели, но может обусловить ее частичную корректировку. Признавая такую возможность, следует отдавать себе отчет в том, что нынешняя общественная система, с одной стороны, глубоко укоренилась в российском обществе, успешно использует в своих интересах многие его особенности, но, с другой стороны, настолько глубоко порочна, что любые реально значимые действия по ее корректировке могут привести к ее спонтанному разрушению с непредсказуемыми последствиями. Власть не может не учитывать эти обстоятельства, и сейчас трудно сказать, к каким выводам она придет. Пока нельзя исключить, что власть предпочтет сосредоточиться не на оздоровлении общества, а на консервации системы с теми или иными ее изменениями на возможно более длительный срок.

Главным вопросом обозримого будущего является для России вопрос о том, каково будет соотношение процессов консервации сложившейся асоциальной общественной системы и процессов ее преодоления, возникнут ли в ней механизмы самообновления, можно ли ожидать импульсов к такому самообновлению от тех или иных слоев нынешней элиты и их поддержки массовыми слоями общества и, наконец, насколько модель, которая в конечном счете придет на смену существующей, окажется моделью реального прогресса.
